

ложение как бы переводилось на язык жизни и проверялось опытом.

Благодаря практике закладывалась живая основа для личного опыта в двух формах: активной и пассивной. Первые два курса она носила пассивный характер и предполагала своеобразное вживание в среду. Первоначально изучалась лишь школьная среда, но позже было признано целесообразным изучение и внешних факторов, обусловивших работу образовательного учреждения.

Стержнем практики на последних курсах являлось применение приобретенных ранее методических знаний на опытах самостоятельной учительской работы. Студенты должны были проявить себя в составлении плана занятий, в проведении его в условиях отведенного времени и критическом анализе занятий. При этом под самостоятельным занятием подразумевалось не выполнение кратковременного задания, а проведение совершенно законченной темы. Заметим, что тема рассматривалась с учетом наибольшей полезности для школы (классно-урочный метод, Дальтон-план). План практики предусматривал воспитательную работу (участие в работе клубных объединений, организация экскурсий), но так как основное место отводилось подготовке к урокам, она часто не выполнялась. К сожалению, практика анализируемого нами периода не распространялась на сельскую школу, хотя в составе студентов были будущие преподаватели деревенских школ.

Вся работа Ярославского педагогического института была очень тесно связана с деятельностью Губернского отдела народного образования (Губоно). Адаптация новых программ, планов, осуществление связи с учительством требовали больших затрат времени, коллективных усилий и квалифицированных специалистов. В результате на помощь приходил преподавательский состав и студенты ЯПИ, которые, как мы уже говорили, на семинарских и практических занятиях, во время практики работали по заданиям местных органов народного образования. Мы можем выделить следующие направления, которым проводились по заданиям Губоно: учет методической работы, которая проводилась в областном школьном строительстве; разработка программ для школ 2-й ступени; сбор и обработка краеведческого материала; планирование и организация практики в педтехникумах; работа в области общественно-политического воспитания; участие в повышении квалификации школьных работников; участие методистов института в методсоветах Губо-

но; созыв специальных совещаний при кабинете педагогики с работниками школ.

Таким образом, реализация принципа связи с жизнью в Ярославском педагогическом институте нашла свое отражение, во-первых, в учебной деятельности как наполнение содержания учебного материала жизненными фактами, во-вторых, в научно-исследовательской работе в результате изучения местной, реальной среды, в которой формировался ребенок, и ее влияния на особенности личности, в-третьих, в практической деятельности, которая строилась в связи с академическими курсами, психолого-педагогическими дисциплинами, общественной работой и соприкасаясь с работой местных органов просвещения. И, наконец, общественная работа вуза осуществлялась в тесной связи с местными средними педагогическими учебными заведениями, ярославским учительством, помогая решать насущные вопросы их жизни и деятельности.

Литература

1. Груздев П.Н. На путях к новому педагогу // Труды Ярославского педагогического института. Т.1. Вып.1. Ярославль, 1926. С. 1-15.
2. Рубинштейн М.М. Проблема учителя. Л., 1927.
3. Слостенин В.А., Колесова А.К. Формирование теоретических основ советского педагогического образования // Теория и практика высшего педагогического образования. М., 1987. С.3-15.
4. Эскин М.И. Из истории организации педагогической практики студентов Ярославского педагогического института // Ученые записки ЯГПИ. Вып. XXXIII. Ярославль, 1958. С.53-59.
5. Ярославский государственный областной архив. Ф.Р-2257.О. 5.

А. М. Ермаков

Разгром преподавательских кадров Ярославского пединститута в начале 1930-х гг. и его последствия

Начало тридцатых годов стало временем глубоких перемен не только в экономической и

политической, но и в духовной жизни нашей страны. Сложные и неоднозначные процессы, происходившие в системе высшего педагогического образования Советского Союза, оказывали противоречивое воздействие на единственный вуз Ярославля – педагогический институт. Можно спорить о критериях общей оценки этого периода в биографии ЯПИ, пытаться соизмерить все позитивное и негативное с целью подвести общий итог. Однако не вызывает сомнений, что история Ярославского педагогического – это прежде всего жизнь его коллектива: преподавателей, сотрудников, аспирантов, студентов. В настоящей статье рассмотрены некоторые аспекты кадровой политики ЯПИ, за короткий срок изменившие облик института и царившую в нем атмосферу.

К началу 30-х гг. под руководством ректоров П. Н. Груздева (1924-1928) и П. Ф. Ефремова (1928-1930) окрепла материальная база ярославского педвуза, с 1926 г. был налажен выпуск собственного научного периодического издания – “Трудов” Ярославского педагогического института, непрерывно росло количество студентов. Главным достоянием ЯПИ был квалифицированный преподавательский коллектив. К началу 1929/30 учебного года из 57 педагогов 19 были профессорами, а 24 – доцентами. Средний возраст профессоров достигал 50 лет, только двое из них происходили из крестьянских семей, зато двое были дворянами, а остальные вышли из мещан. Среди доцентов также преобладали дети учителей, чиновников, служащих, священников. Выходцев из крестьянских семей насчитывалось лишь трое. Только один профессор и четыре доцента, включая П. Ф. Ефремова, состояли в ВКП(б). Большинство этих квалифицированных специалистов остались на работе в институте после закрытия Ярославского университета. Эти педагоги вели большую научную работу, темп которой в конце 20-х гг. нарастал: если в течение 1927-1929 гг. ими было опубликовано 56 произведений, то к началу 1929/30 учебного года преподаватели ЯПИ подготовили к печати более 80 научных публикаций, в том числе несколько монографий [1].

Однако социальный состав и мировоззрение этих преподавателей (в периодической печати их часто именовали “учеными старьевщиками”) никогда не устраивали советскую власть, а в период форсированного развития СССР они были объявлены агентами классового врага. Кардинальное изменение состава профессорско-преподавательских кадров ЯПИ

было произведено в 1930-1933 гг. и осуществлялось, в основном, в ходе специально организованных чисток. Документы показывают, что эти чистки в большей мере коснулись преподавателей гуманитарных предметов и дисциплин обществоведческого цикла, сопровождалась клеветой и необоснованными, надуманными обвинениями в их адрес.

Первая волна гонений на “буржуазных” специалистов прошла на рубеже 1929-1930 гг. в связи с обследованием института комиссией Наркомпроса. Не дождавшись решения наркомата, в декабре 1929 г. подал заявление об увольнении по состоянию здоровья профессор по курсу истории Запада, заведующий кафедрой всеобщей истории Н. И. Радциг. Ярославский пединститут потерял известного специалиста-историка. Николай Иванович окончил историко-филологический факультет Московского университета, с 1904 г. вел преподавательскую работу на Московских высших женских курсах (позднее – 2-й МГУ), в 1-м МГУ, Тверском университете. Еще в дореволюционный период он опубликовал 6 научных работ, в том числе две монографии. В ноябре 1921 г. Н. И. Радциг начал работу по совместительству в Ярославле – совет Ярославского университета единогласно избрал его профессором по кафедре истории европейских и внеевропейских обществ. И хотя Наркомпрос не утвердил Николая Ивановича в звании профессора, он преподавал в университете, а после его закрытия – в пединституте. В советское время Н. И. Радциг написал еще ряд исследований, несколько его статей и монография в 1926-1929 гг. были опубликованы в “Трудах” института [2]. Наркомпрос одобрил его увольнение “за антимарксистское ведение курса”.

По итогам обследования из института были уволены несколько ведущих специалистов. Профессору по курсу “Геология и минералогия” Николаю Федоровичу Чуринову вменялось в вину “чрезвычайно неаккуратное чтение лекций (многократные и длительные пропуски занятий)”, профессор по курсу “Основы педагогики”, известный специалист-педолог Иван Пименович Четвериков был уволен “как ярый противник курса рефлексологии и настроенный антиобщественно”, а один из старейших преподавателей ярославского педвуза, начавший свою работу в учительском институте еще в 1913 г. и в 1918-1919 гг. руководивший им, Кронид Анемподистович Смирнов был отчислен от должности доцента за “антимарксистское” ведение курса “История

русской литературы XIX и XX века". Кроме того, Главный комитет по профессиональному образованию (Главпрофобр) приказал рассмотреть вопрос о преподавании в ЯПИ доцентов С. А. Голованенко, Н. А. Соколова и А. И. Уварова на предстоящем общественном смотре. Заведующий кабинетом механики Алексей Иванович Уваров не стал дожидаться результатов смотра и в декабре 1929 г. уволился по собственному желанию. Доцент по кафедре педологии, автор нескольких научных работ, в том числе оцененной как "антимарксистская" монографии "Структура педагогики как науки" Николай Александрович Соколов был отчислен распоряжением заведующего облоно за три дня до появления приказа Главпрофобра и впоследствии работал в Кубанском агропединституте. Доцент по кафедре русского языка Сергей Алексеевич Голованенко также оставил работу в ЯПИ. Каждый из этих преподавателей имел большой опыт педагогической деятельности, нередко в нескольких вузах страны, являлся автором целого ряда научных трудов по своей специальности. Увольнение этой значительной группы "буржуазных" профессоров нанесло первый серьезный удар по педагогическим кадрам ЯПИ [3].

Не избежал увольнения и П. Ф. Ефремов. С одной стороны, он не пользовался популярностью среди профессорско-преподавательского состава ярославского педвуза. С другой стороны, городское партийное руководство и часть студенчества считали, что Петр Федорович "относился примиренчески к профессуре, которая изощрялась в антимарксистских выступлениях". В частности, ректора упрекали в одобрении публикации нескольких "антимарксистских" исследований преподавателей института, ему вменялись в вину кабинетный стиль руководства и отсутствие классово-линейной линии при выпуске студентов 1928-1929 гг. [4]. 1 февраля 1930 г. Главпрофобр снял П. Ф. Ефремова с поста ректора, а в начале марта он, не выдержав резкой критики, уволился по собственному желанию с должности доцента кафедры педагогики. Так ЯПИ лишился еще одного опытного педагога с дореволюционным стажем и умелого администратора системы образования.

Главпрофобр предложил назначить директором ЯПИ молодого профессора по кафедре всеобщей истории М. М. Великовского, уже имевшего 10-летний стаж научной работы. Но у Ярославского окружного комитета ВКП(б)

имелась своя кандидатура - молодой рабочий "от станка", не имевший даже среднего образования Александр Николаевич Бобров. Он окончил сельскую школу и низшее механико-техническое училище, работал токарем на предприятиях Иваново-Вознесенска и Ярославля. Вступление в партию в ленинском наборе в августе 1924 г. положило начало его стремительной карьере. Получив на двухмесячных курсах в Москве специальность инструктора школы ФЗУ, А. Н. Бобров перешел на работу в систему образования. В течение 1927-1929 гг. он заведовал производственным обучением в Ярославской школе ФЗУ при автозаводе, руководил индустриальным техникумом и только что созданным автомашиностроительным техникумом [5].

Появление в ЯПИ нового директора совпало с решением Главпрофобра от 6 марта 1930 г.: было отменено обязательное посещение студентами лекций и меры взыскания за пропущенные занятия, сроки обучения были сокращены до 3-3,5 лет, ярославский педвуз был преобразован в индустриально-педагогический институт. В условиях нехватки лабораторий и кабинетов, учебных пособий и общежитий директору института было дано задание увеличить нормы приема и развернуть новые отделения: фабрично-заводских семилеток, политехнического труда, новых языков и дошкольное. Поскольку методы учебной работы (лекции, доклады, рефераты) были признаны отсталыми, Москва требовала осуществить переход к системе активных занятий [6]. Выполнять эти директивы предстояло параллельно с новыми гонениями на преподавателей.

В феврале-мае 1930 г. в институте проходил общественный смотр, целью которого была не только общая проверка работы, но и "освобождение" педвуза от "еще сохранившихся представителей реакционной профессуры". "Общественный смотр имеет в виду выявить политическое лицо вуза в целом и каждой кафедры в отдельности, - говорил представитель Главпрофобра. - Необходимо поставить вопрос о действительной борьбе с академической рутинной и старыми буржуазно-либеральными традициями, имеющими место в вузах" [7]. Ни для кого не было секретом, что после смотра не все преподаватели останутся в вузе. Менее чем за неделю до своего увольнения П. Ф. Ефремов заявил: "Конечно, некоторые из научных работников в результате смотра должны пострадать. Но тем, кто добросовестно выполняет свою работу, бояться нечего. Смотр - это оче-

редной общественный контроль, звено в цепи систематической проверки работы наших учреждений и предприятий. Если же все работники боятся смотра - значит они оторвались от общественности и потеряли чувство коллективной ответственности. Научному работнику нужно почувствовать современность, слиться с советской общественностью и вместе с ней без сентиментальной деликатности принять участие в самокритике института" [8].

В течение четырех месяцев дирекция, окружкомы партии и комсомола, Центральная и ярославская секции научных работников, окружной отдел народного образования и ряд других организаций города инспектировали ЯПИ. Смотр проходил напряженно, например, разбор работы преподавателей кафедр языковедения и литературы продолжался три дня при 5-часовой работе каждый день. Работа ЯПИ была признана удовлетворительной, но со своих должностей было снято два профессора, три доцента и один ассистент. Считая эти увольнения очистили вуз "от вредного в идеологическом и педагогическом отношении элемента" и авторитет института возрос [9]. В действительности найти равноценную замену изгнанным педагогам было невозможно. Кто мог заменить, например, уволенного как "не марксиста" профессора по русской истории И. И. Полосина? Иван Иванович Полосин читал курсы "История феодализма", "История промышленного капитала в России", "История народов СССР". Он накопил богатейший опыт педагогической работы в высшей школе, собранный в РАНИОН, Тверском и Ярославском университетах, был автором 20 научных работ, в том числе нескольких монографий [10]. Однако на общественном смотре И. И. Полосин заявил, что не является марксистом и считает марксизм только рабочей гипотезой. Для дирекции института приоритетом являлись мировоззрение и социальное происхождение педагогов, а не их квалификация: в преддверии 1930/31 учебного года "за идеологическую направленность" директор дал отвод еще 14 преподавателям.

В общесоюзном масштабе 1930 г. ознаменовался судебными процессами по делу вождей "Трудовой крестьянской партии", главой которой был объявлен известный профессор-экономист Н. Д. Кондратьев, и "Промышленной партии", якобы возглавлявшейся профессором Л. В. Рамзиным. Они обвинялись в систематическом вредительстве по заданию иностранных агентов, и материалы

показательных процессов широко распространялись по всей стране.

На этом фоне ярославское партийное руководство разворачивает "дела" местного значения, и ЯПИ вступает в третий этап чистки, приуроченный к новому обследованию института. Прибывшая из Москвы бригада Наркомпроса с удовлетворением констатировала, что в результате чисток профессорско-преподавательский состав ЯПИ значительно пополнился и качественно улучшился, общественно-экономические дисциплины находятся в большинстве своем в руках марксистски выдержанных товарищей, руководство вузом – в руках членов ВКП(б), а директор – рабочий с производства. В то же время комиссия предложила укомплектовать кафедры истории, философии и экономики преподавателями-коммунистами, "одновременно проводить широкую работу по выдвиженчеству, особенно из среды рабочих с производственным стажем и партийцев". Кампания травли, развернутая против некоторых преподавателей, вполне отвечала духу этих рекомендаций [11].

24 декабря 1930 г. в газете "Северный рабочий" вышли две статьи о преподавателях ЯПИ, объединенные общим заголовком: "Советскому вузу – советскую профессуру. Очистить кафедры пединститута от чуждых нам людей, махровых реакционеров, агентов классового врага". В это же время появляется информация о событиях в Ярославском педагогическом в ивановской областной газете "Рабочий край" и печатном органе Наркомпроса "За коммунистическое просвещение". Объектами травли стали доценты ЯПИ В. В. Покшишевский, Н. С. Соловьев и профессор В. Н. Бочкарев.

Вадим Вячеславович Покшишевский, несомненно, был талантливым молодым ученым. Выпускник Бакинского политехнического института, он в свои 25 лет уже был автором двух монографий и одной научно-популярной книги, сотрудничал в нескольких московских научных журналах. По окончании аспирантуры в Институте экономики РАНИОН В. В. Покшишевский в апреле 1930 г. устроился на работу доцентом кафедры экономической географии ЯПИ [12], а в ноябре выразил директору недовольство по поводу задержки с выплатой жалования: "Вы меня наняли, а потому должны заплатить своевременно зарплату... Закрывайте институт, если у вас нет средств". Ссылка директора ЯПИ на переживаемые страной финансовые затруднения не произвела на молодого преподавателя

никакого впечатления. “Вы меня не потчуйте общими словами”, - ответил он. На заседании секции научных работников (СНР) Н. А. Бобров охарактеризовал В. В. Покшишевского как летуна, который “льет воду не на социалистическое строительство, а на мельницу врагов”. Ему инкриминировались отказ выступить с докладом о “кондратьевщине”, неявка на собрание, где стоял вопрос о вредительстве, а также обращенная к студентам просьба не записывать его лекции из-за невозможности дать точные формулировки некоторых понятий. Действия упорно отстаивавшего свою правоту В. В. Покшишевского были единодушно квалифицированы не как случайные ошибки, а как “прямое содействие классовому врагу”. СНР постановила исключить его из своих рядов “как классового чуждого научного работника”, возбудить ходатайство об исключении его из профсоюза работников просвещения и осветить его “дело” в местной и областной печати [13].

Доцент кафедры педологии Николай Степанович Соловьев обвинялся в пропаганде среди студентов своих антисоветских взглядов. На лекциях для первокурсников он якобы утверждал, что в связи с исчезновением аристократии и пополнением рядов работников физического труда умственно одаренных людей в СССР становится меньше. Газетная публикация обвиняла его в том, что из этого следовал вывод о движении советского общества к первобытному коммунизму и о неспособности пролетариата построить новую жизнь без буржуазии. 30 декабря СНР обследовала “дело” Н. С. Соловьева и принудила его признать, что он допустил ряд грубых ошибок в изложении биологического материала, выдвинул реакционную гипотезу о вырождении рабочего класса. Его обязали “дать развернутую критику своей теории перед студенчеством, научными работниками и перед общественностью”. Н. С. Соловьев написал в редакцию газеты письмо, в котором “резко отмежевался” от всех врагов Советского Союза и обещал впредь строить лекционный курс на основах диалектического материализма [14].

Иначе развивалось рассмотрение “контрреволюционной вредительской вылазки” В. Н. Бочкарева. Валентин Николаевич Бочкарев окончил Московский университет, имел 25-летний стаж работы в высшей школе, в том числе вел преподавательскую деятельность на Московских педагогических курсах, Московских высших женских курсах, в 1-м и 2-м МГУ, Военной академии РККА, был действительным

членом Института истории РАНИОН. С 1920 г. он преподавал в Ярославском университете, а после его ликвидации остался на работе в педагогическом институте, где заведовал кафедрой истории народов СССР и читал четыре лекционных курса. В. Н. Бочкарев вел плодотворную научную работу по истории промышленности Ярославского края, являлся автором 80 научных работ [15].

В. Н. Бочкарев был объявлен ярим противником большевистских темпов в учебной работе на том основании, что на реплику одного из студентов об учебе по-большевистски он ответил: “А поели ли вы по-большевистски?”. Профессора обвинили в том, что он разлагает коллектив, хочет создать недовольство среди студентов и выступает сторонником сокращения темпов в учебной работе. СНР дала ему уничтожающую характеристику: “В своей педагогической, научно-исследовательской и общественной работе проф. Бочкарев неизменно и твердо стоял на позициях буржуазной школы, подменял марксизм либерализмом в духе партии кадетов, к партии которых он по собственному признанию примыкал идейно (без орг. оформления) вплоть до 1917 г. Его эволюция за весь революционный период свелась к более умелому и пышному прикрашиванию явно враждебных марксизму взглядов и теорий марксистскими фразами”. СНР констатировала, что В. Н. Бочкарев “группировал и поддерживал явно негодных по своей идеологии и квалификации работников”, а также выдвигал на преподавательскую работу “социально чуждых людей, детей кулаков и торговцев, считаясь лишь только с их академической подготовленностью” [16].

К удивлению горкома ВКП(б), партийная и комсомольская организации института не уделили должного внимания этим чрезвычайным происшествиям, а местком профсоюза работников просвещения даже не поддержал предложение СНР об исключении В. В. Покшишевского. После появления повторной статьи в “Северном рабочем”, которая требовала даже смены руководства ЯПИ, “не обеспечившего четкой политической линии в борьбе за кадры”, были незамедлительно проведены перевыборы партбюро института, а В. В. Покшишевский и В. Н. Бочкарев уволены [17].

Следующая, четвертая кампания чистки последовала после письма И. В. Сталина в редакцию журнала “Пролетарская революция” об усилении борьбы с “правым уклоном”, “левыми за-

гибами”, “троцкистской пропагандой” и “гнилым либерализмом”. Вскоре деятельность некоторых преподавателей и студентов ярославского педвуза была квалифицирована как троцкистская. Так, 2 декабря 1931 г. доцент кафедры экономики Л. Н. Соколов, выступая на заседании экономического кружка с докладом “Закон неравномерного развития капитализма и возможность победы социализма в одной стране”, высказал ряд неверных, с точки зрения дирекции и партийного руководства института, соображений. Заведующий агропедфаком Л. А. Валерьянов подвергся проработке за то, что в курсе “Основы сельскохозяйственной техники” дал “явно антисоветские” установки, совершенно выхолостил политическое содержание курса, оторвав технику от политики, обойдя вопросы классовой борьбы в деревне. Наконец, на занятиях по диалектическому материализму один студент высказал мнение о том, что письмо Сталина о “головокружении от успехов” несколько запоздало, а другой предложил восстанавить в партии Л. Д. Троцкого, “если он раскаивается”. Разумеется, “провинившиеся” преподаватели были без промедления уволены [18].

На январь 1932 г. А. Н. Бобров назначил проверку работы всех кафедр специально созданными для этого бригадами. В его приказе говорилось: “Имеющие место в нашем институте факты антисоветских и контрреволюционных выступлений и извращений марксистско-ленинской теории, гнилой либерализм, проявленный рядом руководящих работников, требует пересмотра всей линии работы института и кафедр, в целях непримиримой борьбы со всякими извращениями генеральной линии партии и с примиренчеством к этим извращениям”. Однако этот приказ не спас дирекцию и партийные органы ЯПИ от разгрома. В решении бюро Ярославского горкома ВКП(б) говорилось, что “партийное руководство пединститута притупило классовое чутье, большевистскую бдительность и проявило гнилой либерализм к протаскиванию контрреволюционной троцкистской пропаганды”. Со своих постов были сняты директор, заведующий учебным отделом, секретарь партколлектива института, ответственный за культурно-пропагандистскую работу и председатель профкома. Это решение имело далеко идущие последствия для ЯПИ, поскольку предписывало не только проработать письмо Сталина, мобилизовав массы студенчества, партийцев и комсомольцев “на борьбу с троцкистскими контрреволюционными выступлениями и гнилым либерализмом”, но и организовать массовую проверку всех программ и

заданий института на основе письма Сталина и указаний обкома. В Ярославле было развернуто “дело пединститута”, которое широко обсуждалось на предприятиях и в учреждениях в первой половине января [19].

В течение 1932/33 учебного года руководство института менялось еще пять раз. По несколько месяцев директорами были В. С. Никольский и П. А. Лаврин, дважды исполнял обязанности директора А. Ф. Свистунов. Им не удалось наладить учебную и научную работу института, в декабре 1932 г. вновь преобразованного в педагогический. В ЯПИ воцарились бесхозяйственность и безответственность. Отсутствие кадров побудило дирекцию поставить перед Наркомпросом вопрос о закрытии экономического отделения и переводе исторического отделения в Ивановский пединститут. Отсев студентов из ЯПИ составлял 25 % при среднем показателе по стране в 16,1 %. Руководящим органом вуза являлись студенческие собрания, производственные совещания, решения которых были обязательными для учебной части. Учебная и научно-исследовательская работа были дезорганизованы настолько, что в 1932/33 учебном году ни один из 295 выпускников не написал дипломной работы. Плохо обстояли дела с отоплением, питанием преподавателей и студентов. И те, и другие часто пропускали занятия, а на экзаменах выставлялась масса неудовлетворительных оценок [20].

Появление в ЯПИ директора А. А. Сучкова в мае 1933 г. ознаменовалось ликвидацией новой “троцкистской вылазки” преподавателей. Выступая на собрании в клубе комвуза с лекцией “О закономерностях переходного периода”, преподаватель философии Г. С. Астафьев осмелился критиковать как правоуклонистскую установку положение программы Коминтерна о том, что “общехозяйственный план основывается на предвидении стихийно складывающихся хозяйственных отношений”. Не в пользу Г. С. Астафьева был расценен и тот факт, что он являлся учеником известного советского философа академика А. М. Деборина (Иоффе), “школа” которого подверглась разгрому в начале 1931 г. Критика программы Коминтерна была расценена как троцкизм и спровоцировала новый этап чистки. Как утверждала газета “Северный рабочий”, вокруг Г. С. Астафьева группировались некоторые студенты, а преподаватели кафедры экономики А. Ф. Свистунов и Г. С. Бодухин также вели в институте “антипартийные разговоры” о программе Ко-

минтерна, пропагандировали среди студентов “троцкистскую клевету” на нее. Кроме того, как администраторы они были обвинены в “практике оппортунистического руководства” [21]. Директор А. А. Сучков выяснил, что кафедра экономики “в целях обеспечения троцкистских вылазок собиралась на квартире. Научные работники приглашались те, которые наиболее “благонадежны”. Троцкистская деятельность особо полно сказалась на группах экономистов. Давались троцкистские указания, извращались указания партии в методах преподавания, рекомендовалась оппортунистическая литература и т.д.”. Все участники “троцкистской группировки” были уволены из института по собственному желанию в августе 1933 г. [22].

Следует заметить, что на этот раз чистка затронула молодые педагогические кадры, воспитанные уже советской властью. Профессиональная карьера Г. С. Астафьева и Г. Ф. Бодухина является, по-видимому, типичной для этой генерации вузовских педагогов. Доценты Григорий Степанович Астафьев и Георгий Филиппович Бодухин происходили из крестьянских семей, преподавательскую деятельность начали в первой половине 20-х гг. и только потом получили высшее образование. Попав на работу в институт, они быстро продвигались по служебной лестнице: Г. С. Астафьев, преподававший диалектический материализм, с февраля 1932 г. возглавлял литературное отделение и заведовал кафедрой философии, Г. Ф. Бодухин заведовал кафедрой экономики и одновременно - учебной частью. Каждый из них уже имел опубликованные научные труды, что в те годы было редкостью среди молодых преподавателей педвузов, испытывавших острую материальную нужду [23].

Разгром “троцкистской группировки Астафьева и Бодухина” на некоторое время преврал регулярные чистки профессорско-преподавательского состава ЯПИ, продолжавшиеся в течение трех с половиной лет. Их результаты крайне негативно отразились на всей работе педвуза: в сентябре 1934 г. профессорско-преподавательский состав института (считая педрабфак) насчитывал 77 человек, среди них 3 профессора, 20 доцентов, 51 ассистент и преподаватель. В составе некоторых кафедр было по 1-3 преподавателя, вследствие этого количество кафедр пришлось сократить с 13 до 8. Были полностью разгромлены экономическое и историческое отделение. Например, историческое отделение потеряло не только про-

фессоров Н. И. Радцига, И. И. Полосина и В. Н. Бочкарева, но и их ученика - ассистента кафедры народов СССР Н. П. Синотова, арестованного в ноябре 1929 г. и приговоренного к трехлетней высылке на Север. С января 1930 по ноябрь 1932 г. кафедры истории народов СССР и всеобщей истории были объединены под руководством большевика с дореволюционным стажем М. М. Великовского, который видел свою задачу в разоблачении и изгнании “реакционных элементов”. Хотя на смену уволенным педагогам пришли преподаватели-коммунисты А. З. Манфред и М. В. Шиманский, а также кандидат в члены ВКП(б) Рейхберг, в 1934 г. историческое отделение было переведено в Ивановский пединститут. Одновременно было закрыто экономическое отделение [24].

Областное партийное руководство отреагировало на столь катастрофическое положение дел не сразу. 10 июня 1934 г. Ивановский обком ВКП(б) принял постановление “О работе Ярославского пединститута”. В нем говорилось, что постановка учебной работы и идейно-политическое состояние института являются неудовлетворительными, основные научные дисциплины – физика, химия, литература, русская история, история народов СССР и экономические науки преподаются на уровне средней школы, допускаются ошибки в самом содержании учебных дисциплин (недооценка высказываний Маркса, Ленина, Сталина), завышаются оценки, не продумана тематика дипломных работ. Партийное руководство вновь искало причину провала в работе ЯПИ в происках врага, в антипартийной деятельности студентов, которые под предлогом борьбы с недостатками в институте “срывали учебные занятия, отказывались от общественной работы, дискредитировали директора, став во главе отсталых и классово-чуждых элементов”. Постановлением был снят с работы секретарь парткома института К. Г. Сабуров, а чуть позже увольнение постигло заведующих кафедрами литературы и физики, бывший директор института, преподаватель с дореволюционным стажем работы доцент С. Н. Слободской был отстранен от заведования кафедрой химии.

В то же время в постановлении содержались и некоторые положения, действительно направленные на улучшение работы ЯПИ. Во-первых, дирекции института было дано поручение переработать программы, разработать методику преподавания, обеспечить действительно вузовский уровень обучения и правиль-

ную оценку успеваемости, осуществить в новом учебном году переход с отделений на факультеты, привлечь в институт квалифицированные преподавательские кадры, организовать научно-исследовательскую работу. Во-вторых, партийное руководство Ивановской области постановило отпустить необходимые средства на теплофикацию института; выделить материальную помощь ЯПИ со стороны облисполкома и обкома; командировать в институт преподавателя литературы и преподавателя политэкономии; выделить для продажи студентам, в первую очередь выпускникам, едушим на окраины, 150 пальто, 200 костюмов, 250 пар обуви, 650 пар белья и, наконец, обязать директора института развернуть работу по самозаготовкам [25].

Директорам А. А. Сучкову (1933-1934) и А. П. Кузьмину (1934-1935) удалось пополнить библиотеку, создать условия для написания дипломных работ и научной работы преподавателей, наладить учет действительного количества студентов, укрепить профессорско-преподавательский состав (к началу 1935/36 учебного года в ЯПИ работали 9 профессоров и 22 доцента), открыть новые кафедры, кабинеты и лаборатории, заменить отделения факультетами. В специальном "Положении" были определены должностные обязанности административных и научных работников института. Была восстановлена дисциплина студентов, их уважительное отношение к администрации вуза и преподавателям. Налаживалось материально-бытовое обслуживание коллектива института, оживилась культурно-массовая работа [26].

Но эти перемены к лучшему оказались довольно ограниченными и непрочными, поскольку последствия чисток затронули учебную и научную работу ЯПИ очень глубоко. Например, в 1935/36 учебном году преподаватели института не написали ни единой журнальной статьи, не говоря уже о монографиях. А к началу 1937/38 учебного года количество профессоров и доцентов снова сократилось вдвое и составляло, соответственно, 4 и 11 человек. В институте трудился только 1 доктор и 6 кандидатов наук, специалистов с учеными степенями не было на 7 из 11 кафедр ярославского педвуза. Приведенные данные убеждают в том, что избавление высшей педагогической школы от "буржуазных" специалистов и увеличение партийно-комсомольской прослойки среди преподавателей (в партии состоял каждый шестой педагог ЯПИ) были достигнуты несоизмеримо высокой ценой и свели на нет многие

успехи, достигнутые институтом в 1920-е гг. [27].

Примечания

1. Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 260. Л. 1-34; Д. 283. Л. 84-87.
2. Архив ЯГПУ. Личное дело 1 000-П.
3. См.: ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 260. Л. 9-11; Архив ЯГПУ. Личные дела № 383-П, 1139-П, 1262-П.
4. В стенах пединститута // Северный рабочий. 1930. 30 января. С. 2.
5. Архив ЯГПУ. Личное дело № 114-П. Л. 1. Личное дело № 383-П. Л. 14; ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 320. Л. 101-102.
6. ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 268. Л. 233.
7. Ефременко Л. О задачах общественного смотра пединститута // Северный рабочий. 1930. 3 марта. С. 2.
8. ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 272. Л. 66.
9. Там же. Д. 268. Л. 2, 234-235.
10. Там же. Д. 260. Л. 6-об-7.
11. Там же. Д. 283. Л. 35, 54.
12. Архив ЯГПУ. Личное дело № 949-П.
13. ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 272. Л. 20-23; Воронов Н. "Профессор" Покшишевский // Северный рабочий. 1930. 24 декабря. С. 3.
14. ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 272. Л. 1-2; Никакого примиренчества к агентуре классовых врагов // Северный рабочий. 1930. 24 декабря. С. 3; Соловьев Н. Письмо в редакцию // Северный рабочий. 1931. 9 января. С. 4.
15. ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 260. Л. 2-об-3.
16. Там же. Д. 272. Л. 3-6; Никакого примиренчества к агентуре классовых врагов // Северный рабочий. 1930. 24 декабря. С. 3.
17. Смирнов Д. Не смазывать, а признать и исправить ошибки // Северный рабочий. 1931. 3 января. С. 2; Ошибки признаны и будут исправлены // Северный рабочий. 1931. 6 января. С. 3.
18. Бодухин Г., Федоров В., Лapidус И., Шиманский М. Уроки Ярославского пединститута // Северный рабочий. 1932. 3 января. С. 2.
19. Морозов Д. Партийное руководство пединститута притупило классовое чутье, большевистскую бдительность и проявило гнилой либерализм к протаскиванию контрреволюционной троцкистской пропаганды (Постановление бюро горкома ВКП(б)) // Северный рабочий. 1932. 3 января. С. 1. См. так-

- же: Северный рабочий. 1932. 4, 6-9, 11, 12 января.
20. ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 383. Л. 19.
21. Галкин В. Парторганизация института примиренчески относится к троцкистским вылазкам // Северный рабочий. 1933. 9 июля. С. 3.
22. ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 330. Л. 32-35.
23. Там же. Д. 260. Л. 26-27; Архив ЯГПУ. Личные дела № 51-П и 125-П. Необходимо указать на невозможность дать однозначную оценку событий и действующих лиц этой эпохи в истории ЯПИ. Документы показывают, что обвинители часто превращались в обвиняемых. Примером может служить Г. Ф. Бодухин, резко критиковавший сначала В. В. Покшишевского, затем своих учителей И. И. Полосина и В. Н. Бочкарева и, наконец, сам ставший объектом травли.
24. ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 383. Л. 3.
25. Носов И. О работе Ярославского пединститута // Северный рабочий. 1934. 16 июня.
26. ГАЯО. Ф. Р-2257. Оп. 5. Д. 341. Л. 106-107; Д. 426. Л. 4, 4-об.
27. Там же. Д. 480. Л. 12-а, 45.